
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ

**МУЗЕЕВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ**

Издательство Томского университета
2021

Источники и литература

1. Белинова О.Б. «Скандинавская» коллекция И.П. Кузнецова-Красноярского // Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 1. С. 140–162.
2. Дмитриенко Н.М., Лозовая Л.А., Бутенко М.А., Глухов В.С. Музееведение как комплекс знаний о музейном деле: к историографии проблемы // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2015. № 399. С. 34–41.
3. Кузнецов И. Древние могилы Минусинского округа. С приложением 18 таблиц и рисунков. Томск, 1889. 2, 36, XII, II с.: ил.
4. Кузнецов-Красноярский И. Минусинские древности. Медно-бронзовый и переходный периоды. Томск, 1908. Вып. 1. 30 с.: ил.
5. Кузнецов-Красноярский И. Отчет о раскопках, произведенных в Минусинском уезде Енисейской губернии в 1884 году. Томск, 1907. 9 с.: ил.
6. Матющенко В.И. История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов): уч. пособие. Омск, 1992. 138 с.
7. Ожередов Ю.И. Фонд И.П. Кузнецова-Красноярского в Музее археологии и этнографии Сибири // История вузовских музеев страны: материалы научной конференции. Сыктывкар, 1994. С. 225–229.
8. Флоринский В.М. Музей сибирской археологии и этнографии, основанный в 1882 году при Сибирском университете // Археологический музей Томского университета. Томск, 1888. Паг. 2. С. 1–155.
9. Флоринский В.М. Прибавление к каталогу Археологического музея Томского университета. Томск, 1890. [82 с.].

Э.И. Черняк, Н.М. Дмитриенко

АЛЕКСЕЙ КИРИЛЛОВИЧ КУЗНЕЦОВ И СТАНОВЛЕНИЕ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В ЗАБАЙКАЛЬЕ*

Жизненный путь А.К. Кузнецова описан им самим в автобиографии, подготовленной для издания биографического словаря [1]. С разной степенью подробности его биография изложена в нескольких работах российских исследователей [2–7]. Однако в силу непреходящего значения роли А.К. Кузнецова в социокультурном развитии Забайкалья и всей Северной Азии считаем

---

* Впервые опубликовано: Страницы нашей истории: сб. научных статей, посвященный 50-летию А.И. Широкова. Магадан, 2017. С. 189–204.

возможным еще раз обратиться к изучению его деятельности, проследить процесс становления его как музейоведа, конкретизировать вклад в музейное дело.

Глубоко убежденные в том, что способности и интересы человека обусловлены семейным воспитанием, окружающей обстановкой, обратимся к имеющимся в нашем распоряжении фактам. Из автобиографии Кузнецова известно, что родился он в 1845 г. в черноморском городе Херсоне, «в богатой купеческой семье». Кроме Алексея, у его родителей – Кирилла Никитовича и Натальи Георгиевны Кузнецовых – было еще четверо детей: Мария, Неонила, Семен и Кирилл. По окончании уездного училища Алексей «был отвезен в Московское коммерческое училище», которое окончил в 1864 г. и получил звание личного почетного гражданина [1. С. 126; 7]. Немногие сохранившиеся сведения раскрывают картину семейного благополучия Кузнецовых, понимание значения хорошего образования в жизни человека. Как важную особенность следует отметить, что глава семьи, Кирилл Никитич Кузнецов, записывал в особую книжку семейные события, поражавшие его явления природы и окружающей действительности. Книжечка эта впоследствии оказалась в архиве Читинского музея, и ее с благодарностью использовал первый биограф Алексея Кузнецова – Н.Н. Жуков [2. С. 5]. Думается, что увлечение отца не было случайным, оно было навеяно самим временем, когда в России, тем более в Причерноморье, наблюдался повышенный интерес к местной истории, к старине. Ведь именно на Черноморском побережье в 1820–30-х гг. были начаты археологические раскопки древнегреческих городов-государств, открылись первые в России археологические музеи, в их числе в г. Николаеве, а затем в Одессе. По сведениям, введенным в научный оборот одним из организаторов археологических музеев И.А. Стемповским, не так далеко от Херсона на берегу Бугского лимана располагалось село Парутино, где сохранялись развалины древнегреческого города Ольвия. А в низовье Днепра, практически в окрестностях Херсона, раскапывали курганы, и многие хранившиеся в них сокровища «разошлись по рукам частных людей» [8. С. 208–209].

Интерес к знаниям, привитый в семье, получил серьезную поддержку в период обучения Алексея Кузнецова в Московском коммерческом училище. Наряду с усвоением обязательной

программы, учащиеся занимались в хорошо оборудованных лабораториях, в чертежных и рисовальных классах, упражнялись в гимнастическом зале. В училище имела большая библиотека, проходили литературно-музыкальные вечера, проводились беседы об искусстве. Не случайно, окончив коммерческое училище, А. Кузнецов поступил в только что открывшуюся Петровскую земледельческую и лесную академию (совр. Российский государственный аграрный университет). В академии готовили специалистов сельского и лесного хозяйства с опытом управленческой работы, здесь поощрялись научные исследования. Алексей Кузнецов специализировался у профессора И.А. Стебута. (Крупный специалист в области агрономии и растениеводства, И.А. Стебут организовал при Петровской академии сельскохозяйственный музей, опытное поле и агрономическую лабораторию, в которой студенты могли проводить самостоятельные исследования.) Одновременно он занимался под научным руководством профессора Н.Н. Кауфмана, который был известен трудами о московской флоре, служил директором Ботанического сада и хранителем гербария Московского общества испытателей природы [9]. Под влиянием профессора Алексей Кузнецов, по его собственному выражению, гербаризировал в Московской губернии.

Проучившись в академии четыре с лишним года, Кузнецов работал над магистерской диссертацией о низших вредителях в сельском хозяйстве. Однако именно тогда, в 1869 г., в жизни его произошло непоправимое. На волне общественно-политического движения, получившего впоследствии название народничества, он вошел в кружок Сергея Нечаева, который ставил целью «социальную революцию». Много позже А.К. Кузнецов вспоминал: «Во время моей исследовательской работы с микроскопом появился в моей квартире неизвестный мне молодой человек, фамилию которого я узнал только на суде: Сергей Геннадиевич Нечаев. Развернув передо мной картину революционного движения, охватившего в то время Россию, и осмеяв меня, предававшегося научным исследованиям, – он силой своего революционного убеждения покори меня». Эта сила, по свидетельству Кузнецова, находила проявление в поступках и словах Нечаева: «Нужно работать только для блага обездоленного народа; нужно организовывать восстание» [1. С. 126, 128]. Беспрекословно преданные своему

вожаку, четверо кружковцев-нечаевцев, в их числе и Кузнецов, совершили убийство студента Петровской земледельческой академии И. Иванова, ложно обвиненного Нечаевым в предательстве. К судебному расследованию по «Делу нечаевцев», проходившему в июле 1871 г. в обстановке широкой гласности, было привлечено 77 человек. Четверо участников убийства, в их числе Кузнецов, были осуждены на каторжные работы и после нескольких месяцев тюремного заключения отправлены на Карийскую каторгу. (Сам Нечаев, как известно, бежал за границу, но его арестовали, и, приговоренный к 20 годам каторги, он умер в тюрьме.)

А.К. Кузнецов много размышлял об «ужасном акте», в котором принимал участие, вспоминал, как Нечаев предлагал «пожертвовать жизнью Иванова» ради «дела революции», а для «достижения народного блага» обдумывал «план царевубийства». В конце концов Кузнецов пришел «к твердому убеждению, что для свершения террористического акта над Ивановым не было никаких серьезных оснований, что этот акт нужен был Нечаеву для того, чтоб крепче спаять нас кровью». Но и на исходе своей жизни А.К. Кузнецов не отказался от убеждений молодости: «Несмотря на то, что Нечаевым было поругано и затоптано то, чему я поклонялся, несмотря на то, что он своей тактикой причинял огромные нравственные страдания, – я все же искренне преклоняюсь перед Нечаевым как революционером» [1. С. 128-129].

Карийская каторга – множество тюрем, расположенных по берегам Кары, левого притока Шилки (впадающей в Амур), – была организована в конце 1830-х гг. в ходе формирования Нерчинского горного округа. Силами каторжан осуществлялись все работы по золотодобыче на карийских приисках, славившихся богатым содержанием золота. Кузнецов прибыл на Карийскую каторгу летом 1873 г. и пробыл там шесть лет. Это были самые тяжелые годы его жизни. В письме к младшей сестре Неониле, в замужестве Поппер, которое процитировал в своем очерке Н.Н. Жуков, Кузнецов делился первыми безотрадными впечатлениями: «Карийские промыслы расположены в узкой долине как щели, идущей от реки Шилки на север. Куда бы вы ни взглянули, везде видите только волнистый однообразный контур гор, покрытых чахлой растительностью, вздымающихся как стены». И на всем пространстве вдоль Кары «копшатся с раннего утра до

поздней ночи массы полунагих людей, окруженных частоколом штыков... Из боязни кнута, с проклятиями, эти полунагие люди ломом и кайлой разбивают землю, носят пески на золотопромывательную машину для того, чтобы после адского труда над 250 пудами песка казна получила 1 золотник или чаще несколько долей чистого золота». Но и немногочисленные свободные люди, карийское начальство, по мнению Кузнецова, мало чем отличались по своему положению от каторжников: «Как будто потому что дышат отравленным воздухом Кары, пропитываются также ненавистью, завистью ко всему, проводя все свое свободное время в картах, пьянстве, любовных похождениях и в подкопах друг против друга» [2. С. 9, 11].

Оказавшись в «этой безобразной мрачной жизни», Алексей Кузнецов остро нуждался в духовной поддержке, которую получал в переписке с сестрой и ее мужем. В одном из писем он сообщал, что почувствовал большую потребность в эстетических переживаниях, что в нем оживают любовь к музыке, рисованию, природе, как «протест или реакция против неестественных условий, в которых я нахожусь» [2. С. 12]. И подобно своим предшественникам в сибирской ссылке – декабристам, участникам польских восстаний – А.К. Кузнецов обратился к просветительной работе. Как «малосрочный» он находился на положении урочника, выплачивал в кассу зрителя средне-карийского промысла определенную сумму – урок, и, переведенный в «вольную команду», получил назначение в приют для детей каторжан. В самые короткие сроки он организовал в приюте мастерские для обучения детей ремеслам, используя свои агрономические знания, создал сад с оранжереями и цветниками, огород с теплицами и парниками и опытное поле. Для детей служащих карийских промыслов он открыл школу, вместе с врачом каторжного лазарета В.Я. Кокосовым организовывал любительские спектакли для взрослых и детей.

Думается, что душевные и физические силы А.К. Кузнецов черпал и в продолжении тех занятий, которыми занимался в прежние времена. Дело в том, что на каторгу, он хотя и следовал с уголовной партией, но, признанный гражданским преступником, пользовался некоторыми послаблениями, и это «давало возможность ботанизировать». На Каре он продолжил сбор

растений и составил неплохой гербарий забайкальской флоры [1. С. 130].

По истечении шести лет А.К. Кузнецов был переведен на поселение (позже, в конце 1880-х гг., его восстановили в гражданских правах) и в 1878 г. поселился в Нерчинске. Он арендовал большой двухэтажный дом в центре города (у него уже была своя семья, малые дети) и занялся устройством сада и огорода. Скорее всего, средства на домозаводство он получал от родных и подробно сообщал им о состоянии своих дел. В письме к своему зятю Попперу он сетовал, например, что почва под огородом слишком песчаная и не может удержать влагу, но это не останавливает «от любимой возни в огороде и садике».

В биографических статьях указывалось, что А.К. Кузнецов прибыл в Нерчинск по приглашению М.Д. Бутина и в дальнейшем пользовался его поддержкой [1. С. 130; 6. С. 217]. Нужно заметить, что Михаил Дмитриевич Бутин, богатейший сибирский золотопромышленник, коллекционер, создатель частного музея, не благотворительствовал в обычном смысле этого слова, то есть не раздавал деньги «из милости» бедным и нуждавшимся. Он предлагал работу и хорошо за нее платил. Известно, что он оказывал поддержку даровитому нерчинскому художнику Прокопию Рязанцеву, устраивал его поездки по Забайкалью, приобретал картины, написанные с натуры, и, по-видимому, выставлял их в своем музее (позже они были переданы в фонды Читинского музея) [10. С. 4–6]. Так и в случае с Кузнецовым Бутин предложил ему устроить сельскохозяйственную ферму вблизи Нерчинска. Реализуя свои земледельческие знания, А.К. Кузнецов занимался бутинскими делами около трех лет, провел первый в Нерчинске водопровод к дому Бутиных, организовал на устроенной им ферме сельскохозяйственную выставку. Но все же разошелся с щедрым работодателем, считая его эксплуататором, хотя и хорошим человеком [2. С. 23–25].

Восстановленный в гражданских правах, Кузнецов избирался гласным Нерчинской городской думы, основал Общество попечения о начальном образовании, которое устраивало музыкальные концерты, спектакли, городские праздники. Но искусство собирательства не давал Кузнецову покоя. Он бывал в музее Бутина, специально съездил в Нерчинский Завод, где, по слухам,

имелся музей, но нашел там лишь фундамент музейного дома и ничем не подтверждаемые рассказы о том, что археологическая коллекция из музея была отправлена в Петербург с золотым караваном. Правда, остатки минералогической коллекции сохранились в доме горного начальника [2. С. 26].

А.К. Кузнецов продолжал работу по составлению гербария, начатую на Каре, собирал другие свидетельства сибирской жизни и в 1886 г. с одобрения и при поддержке органов городского самоуправления преобразовал свои коллекции в публичный музей, первый на дальневосточных территориях России. Музей содержался в основном на пожертвования горожан, в том числе купцов И.Ф. Голдобина, Г.И. Шульгина [11. С. 473]. Фонды на первых порах пополнял сам Кузнецов. Он обратился к археологии, возможно, вспоминая впечатления детства, а скорее всего находясь под влиянием трудов В.В. Радлова, Д.А. Клеменца, В.М. Флоринского. В научных трудах, в частной переписке (также становившейся достоянием гласности) они не раз указывали на особое значение археологии в изучении исторического прошлого, в музейном деле Сибири. Так, в письме к иркутскому коллекционеру, создателю художественной галереи В.П. Сукачеву Д.А. Клеменц писал: «Будете за границей – обратите внимание на археологию. Я уверен, что Вам стоит только посмотреть хорошие музеи и Вы заинтересуетесь памятниками истории культуры. Вы любите историю искусства, а первобытная культура – заря искусства. На лето Вы все равно уезжаете куда-нибудь отдохнуть. Устройтесь в местности, где есть курганы, раскопайте их, сколько влезет, и посмотрите, как Вас это оживит, заинтересует и какой богатый вклад Вы сделаете в науку!». И особенно важно следующее замечание Клеменца: «Загляните в Минусинский музей, тогда Вы увидите, что в Сибири есть что сохранять, есть чем гордиться, есть что, м. б., послужит для выяснения судеб человечества! Я бы бросил охотно и Монголию, и все затеи, если б вместо этого имел возможность проработать года два над забайкальскими да года два над минусинскими древностями» [12. С. 109–110].

Думаем, что представления об археологических богатствах Забайкалья были известны А.К. Кузнецову. Правда, поначалу он не имел возможности поучиться у опытных археологов, обратился

к геологам и под их руководством обследовал древние стоянки. Долгое время он не мог получить открытый лист – официальное разрешение на археологические раскопки и сильно переживал по этому поводу. Со временем, по мнению современного читинского археолога М.В. Константинова, А.К. Кузнецов «научился определять местоположение древних стоянок и умело использовал все формы геологических обнажений для сбора подъемного материала». При этом он обязательно составлял паспорт для каждой стоянки и публиковал результаты некоторых разведок [5. С. 59]. По сведениям Н.Н. Закаблуковской, он обнаружил более десяти разновременных стоянок, в том числе открыл Каштакскую стоянку в окрестностях Нерчинска.

В июне 1889 г. Кузнецов предпринял самостоятельную поездку в Кондуйский казачий поселок на р. Урулюнгуй (приток Аргуни) вблизи русско-китайской границы. Позже он так описывал первые впечатления: «Перед нами к югу открывается чудная беспредельная, покрытая своеобразной растительностью Урулюгуйская степь, которую по простору и красоте можно сравнить только со степями Украины» [13. С. 25]. Прибыв на место обследования, он нанял шестерых рабочих из местных казаков и отправился с ними к древним курганам, расположенным в 6 верстах от жилого поселка. Обследование древнего поселения, известного как Кондуйский городок, выявило плохую сохранность археологического комплекса. Кузнецов обнаружил, что стены православной церкви, а также буддийского дацана вблизи городка были сложены из камней и «чудских статуй», как их называли окрестные жители, использовавшие древние памятники как строительный материал. Исследователь подсчитал, что в хозяйственном употреблении местных жителей находилось 72 статуи, 58 больших камней с кругами (со следами тщательной отделки и насечками на кругах в виде радиальных линий), 20 камней с квадратными отверстиями, чаша из серого гранита и множество глиняных изделий, которыми забавлялись ребяташки [13. С. 23–24]. В ходе обследования А.К. Кузнецов частью зарисовал, частью сфотографировал памятники, провел небольшие раскопки на территории городка и доставил в Нерчинский музей керамику с «ясно выраженным китайским влиянием» и несколько изваяний [14. С. 62–63].

В то же время, наряду с кузнецовскими находками, в Нерчинский музей поступали найденные местными жителями древние сошники, отвалы, лемехи. Археологическими находками поделился с музеем епископ Селенгинский Мелетий (Якимов). И, благодаря за дары, Кузнецов тут же попросил его распространить среди забайкальского духовенства список предметов, которые были особенно нужны музею [14. С. 61]. Таким образом в Нерчинском музее были собраны «огромные интересные коллекции, особенно по каменному веку», как об этом сообщал руководитель музея в письме к В.В. Радлову [15. С. 66]. (Позже многие археологические находки были перевезены в Читу, и Кузнецов издал две небольшие книжки с их описанием и зарисовками.)

Создатель Нерчинского музея мечтал о его расширении, задумал организовать в музее отдел ссылки. Но в одном из писем, процитированном Н.Н. Жуковым, сообщал, что генерал-губернатор Корф не разрешил открытие отдела ссылки, а материал, «имеющийся у меня в руках, производит потрясающее впечатление». Из-за тесноты не удалось открыть и сельскохозяйственный отдел. В письмах к родным Кузнецов сетовал на то, что горожане не особо внимательны к делам музея. Впрочем, их отношение изменилось, когда летом 1891 г. проезжавший через Нерчинск наследник престола, цесаревич Николай Александрович, посетил музей и со вниманием осмотрел его. В завершение часовой прогулки по музею будущий русский император передал на музейные нужды 500 руб., а основателю подарил бриллиантовую булавку [2. С. 28–29].

Визит цесаревича состоялся уже после переезда Кузнецова в Читу, куда он перебрался в 1889 г., «чтобы дать образование в гимназиях своим детям». Однако покинув Нерчинск, А.К. Кузнецов продолжал интересоваться делами музея. Прежде всего его беспокоила проблема научного руководства музеем. Так, обращаясь к В.В. Радлову, он писал: «Крайне сожалею, что Нерчинский музей, просуществовавший уже 7 лет и продолжающий быстро расти, остается без всякого руководства какого-нибудь ученого специального общества, он остается без всякой поддержки даже специальными сочинениями, за неимением которых нет возможности дать надлежащую обработку собираемым материалам» [15. С. 67]. Надеюсь на поддержку со стороны научного сообщества,

Кузнецов представил описание археологической коллекции Нерчинского музея на Международном конгрессе в Москве в 1892 г. А позже не без гордости сообщал, что созданный им музей участвовал во Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде и на Всемирной выставке в Париже [1. С. 131; 15. С. 66]. Добавим, что после отъезда Кузнецова музей не остался без должного руководства, им заведовал коллекционер, исследователь флоры Забайкалья Г.А. Стуков, а в конце 1890-х гг. Нерчинский музей перешел в ведение Приамурского отдела Императорского Русского географического общества.

Первоначально жизнь в Чите, административном центре Забайкальской области, показалась Кузнецову тягостной. И как на Каре он тосковал по подмосковным ландшафтам, так и в Чите не мог забыть Нерчинск. Но имея большой опыт коренных жизненных перемен, преодолел себя и развернул целенаправленную культурную работу, вошел в состав Забайкальского областного статистического комитета, работал в Забайкальском отделе Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты. Еще в Нерчинске А.К. Кузнецов завязывал дружеские и профессиональные контакты с исследователями и музейными работниками, формировал круг близких по интересам людей, который расширял и в Чите. Он вел переписку с Н.М. Мартьяновым и В.В. Радловым, был хорошо знаком с Г.Н. Потаниным [16. С. 329–330]. Ссылный народник Н.А. Чарушин выучился фотографированию у Кузнецова в Чите, открыл свою фотографию в Троицкосавске, участвовал в научных экспедициях, снабжал фотоснимками сибирские музеи. Видные сибирские исследователи и музеееды – Д.А. Клеменц, Г.А. Стуков, Д.М. Головачев, А.И. Герасимов – привлекались Кузнецовым к описанию музейных коллекций. В составлении гербариев, в записях бурятских песен и сказок помогал бурятский учитель Ш. Базаров [17. С. 292–293; 18. С. 32–33; 19. С. 14, 19].

Вместе с врачом Н.В. Кирилловым (занимавшимся краеведческими исследованиями) А.К. Кузнецов выступил с инициативой создания Забайкальского областного отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. В заседании 16 июля 1894 г. состоялось учреждение нового

общества, сформирован комитет, первым председателем которого стал забайкальский губернатор, генерал-майор Е.О. Мациевский. В задачи общества были включены изучение природных ресурсов и экономики Забайкалья, просветительная работа, «устройство музея и библиотеки». Для достижения этих целей в состав руководящего комитета Забайкальского отделения вошли заведующий музеем А.К. Кузнецов и заведующий библиотекой В.М. Якушев. Тогда же второй этаж пансиона Читинской мужской гимназии отвели под размещение Забайкальского областного отделения, и его заняли библиотека и коллекции будущего музея [20. С. 1–3].

Судя по имеющимся данным, Кузнецов деятельно формировал фонды будущего музея с первых дней пребывания в Чите. Он перевез из Нерчинска археологические находки Кундуйского городка, хранил материалы археологической экспедиции, совершенной им в 1892 г. в верховья р. Или и Онона, где обследовал свыше 25 стоянок древних людей [14. С. 64]. Наряду с археологией, Кузнецов пополнял фонды будущего музея изобразительными материалами: открыл передвижную фотографию и, исполняя заказы, ездил по территории Забайкалья, делал снимки достопримечательных мест, подготовил более десятка фотографических альбомов, в их числе альбом снимков о пребывании в крае декабристов.

По отчетам Забайкальского/Читинского отделения Географического общества видно, что к октябрю 1894 г. в музейных фондах насчитывалось не менее 10 тыс. предметов (по данным на 1 января 1898 г. хранилось 22438 предметов, а в 1902 г. – более 33 тыс. предметов). И наконец 16 апреля 1895 г. состоялось официальное открытие Читинского музея при отделении Императорского Русского географического общества. Как руководитель и единственный штатный сотрудник этого музея А.К. Кузнецов пополнял его путем экспедиций, за счет пожертвований и целенаправленных приобретений на средства отделения. В 1895 г. он совершил поездку в низовья Ингоды и Онона, осмотрел старинные оловянные рудники, памятники Агинской степи и привез в музей неплохую археологическую коллекцию. В совместном путешествии с горным инженером А.П. Герасимовым, специалистом Забайкальской горной партии, созданной в связи с проектированием

и постройкой Сибирской железнодорожной магистрали, была собрана полноценная петрографическая коллекция [21. С. 157; 22. С. 5]. В пополнении музея использовалась ставшая традиционной для российского музейного дела организация выставок. Так, в 1899 г. силами Читинского отделения Географического общества была проведена первая областная сельскохозяйственная и промышленная выставка, обеспечившая значительный приток музейных коллекций. Особое внимание посетителей выставки привлекал дацан – макет буддийского монастыря в натуральную величину. После завершения выставки дацан был преобразован в отдел Читинского музея, хранивший свыше 1600 предметов буддийской культуры. Однако в декабре 1914 г. к величайшему огорчению читинцев в музее-дацане случился пожар, уничтоживший уникальное собрание [23].

С лета 1894 г., еще до официального открытия Читинского музея, А.К. Кузнецов вплотную занимался обработкой коллекций, записывал все поступления в шнуровую книгу, ежемесячно отчитывался о проделанной работе перед руководящим комитетом, Забайкальского отделения, публиковал в местной печати «изъявления благодарности» за пожертвования в музей. Одновременно он занялся составлением «подвижных каталогов» предметов по зоологии и археологии с тем, чтобы в дальнейшем подготовить на их основе систематические каталоги.

По отчету за 1897 г. видно, что в Читинском музее было сформировано 8 отделов: естественноисторический, антропологический, археологический, промышленный, сельскохозяйственный, отдел событий, относящихся к Забайкалью, отдел пособий (в том числе архивные документы, карты, картины и портреты) и собрание предметов из сопредельных стран. В названных отделах все поступления в музей не только хранились и обрабатывались, они были доступны для осмотра, и особой экспозиции в музее не было. Такой прием практиковался во многих российских, в их числе сибирских музеях, позже он получил название открытого хранения фондов. Как видно из перечня, Читинский музей документировал природное и социально-экономическое развитие Забайкалья, представлял культуру живших на его территории народов. Особую ценность в музее, по мнению А.К. Кузнецова, составляли коллекции горных пород, собранные геологами

А.П. Герасимовым и А.Э. Гедройцем, зоологическая коллекция Н.А. Иванова, археологические коллекции, собранные самим Кузнецовым и Д.М. Головачевым. Главную ценность составляла буддийская коллекция, пожертвованная ламой Б.И. Доржиевым, – бронзовые золоченые бурханы, дворец небожителей из бронзы, шелковые костюмы участников буддийского праздника Цам. Кроме того, в музее можно было увидеть манекен в костюме шаманки, который считался «украшением музея» [18. С. 24–29, 31–33]. Как видим, в кратчайшие сроки А.К. Кузнецов создал музей, который вполне сравним с лучшими сибирскими музеями. Не случайно Г.Н. Потанин ставил Кузнецова в один ряд с Мартьяновым, относил его к тем «несибирякам по происхождению», кто, оказавшись в Сибири, «начинает с преданностью служить этому краю» [24. С. 297].

Но судьба продолжала испытывать А.К. Кузнецов на стойкость. Дважды созданный им музей в Чите подвергался уничтожению: в 1904 г. его экспонаты по распоряжению начальника гимназии, из личной неприязни к Кузнецову, были выгружены из помещения и свалены в сарай. Понадобилось много времени и сил, чтобы, пользуясь своими записями и фотографиями, А.К. Кузнецов сумел частично восстановить археологическую коллекцию, возобновить этикетки и пояснительные тексты. Но завершить эту работу полностью он так и не смог, и, по свидетельству И. Михалкина, «большая часть археологической коллекции для науки потеряна» [14. С. 63]. А в 1911 г. в Читинском музее случился пожар, уничтоживший значительную часть музейного собрания. Ко времени пожара А.К. Кузнецов был далеко от Читы: в 1906 г. в ходе карательной экспедиции генерала Ренненкампа по подавлению Первой русской революции он был арестован и как активный участник революционных событий приговорен к смертной казни. По ходатайству Российской Академии наук, смертная казнь была заменена каторгой, которую 61-летний Кузнецов отбывал в Акатуйской каторжной тюрьме. Отправленный в 1908 г. на поселение в Якутскую область, он с помощью своих друзей и коллег по музейной работе смог перебраться в Якутск, где занялся восстановлением музейного собрания, созданного еще ссыльными народовольцами. Якутский музей возобновил свою деятельность в 1911 г., то есть тогда,

когда погиб в пожаре Читинский музей. Тогда-то Читинское отделение Географического общества возбудило ходатайство о возвращении А.К. Кузнецова из якутской ссылки. Ожидая его приезда, председатель Читинского отделения Д.М. Головачев организовал строительство собственного здания для музея, завершение которого произошло уже при Кузнецове, ставшем осенью 1913 г. директором Читинского музея. Год упорного труда, и 9 ноября 1914 г. состоялось открытие возрожденного музея. По мнению присутствовавших на торжестве открытия, приведенному А.К. Кузнецовым в автобиографии, «никогда прежде музей не был так полно представлен и прекрасно оборудован, как в данное время» [1. С. 132].

Восстановленный в должности директора, А.К. Кузнецов руководил Читинским музеем в продолжение последующих 15 лет. Он принимал на хранение коллекции упраздненных в революционные годы учреждений – агрономического отдела Переселенческого управления, Забайкальского казачьего войска и др., вывез из нерчинского имения Бутиных картины, художественную керамику, «дорогие итальянские мраморы» и организовал в Читинском музее художественную галерею. Как бывший политкаторжанин и почетный староста Забайкальского отдела Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев отметил 20-летие Первой русской революции открытием в 1925 г. Музея революции. За четыре года до этого торжества, в 1921 г., Правительство Дальневосточной республики, в состав которой наряду с другими территориями входила Забайкальская область, а административный центр размещался в Чите, присвоило Читинскому музею имя его создателя. Однако после кончины А.К. Кузнецова (умершего в 1929 г.) его музееведческая деятельность как приверженца Партии социалистов-революционеров была предана забвению. И только в 1990-е гг. Читинскому областному краеведческому музею, ныне известному как Забайкальский краевой краеведческий музей, возвратили имя Алексея Кирилловича Кузнецова [7]. Память об этом талантливом и мужественном человеке, обращение к его жизненному и научно-музейному опыту расширяют представления о музейном деле на востоке страны, служат перспективам его развития.

Источники и литература

1. Кузнецов Алексей Кириллович: автобиография // Деятели СССР и революционного движения в России: энциклопедический словарь Гранат. Репринтное изд. М., 1989. С. 126–133.
2. Жуков Н.Н. Жизнь и деятельность Алексея Кирилловича Кузнецова // Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова. Чита: Печатное дело, 1929. С. 5–56.
3. Кузнецов, Алексей Кириллович // Сибирская советская энциклопедия. [Новосибирск]: Зап.-Сиб. отделение ОГИЗ, 1931. Т. 2. Стб. 1102–1103.
4. Равинович Д.А. Кузнецов Алексей Кириллович // Российская музейная энциклопедия: в 2 т. Т. 1: А–М. М.: Прогресс; Рипол Классик, 2001. С. 309.
5. Константинов М.В. Провинциальная археология. Чита, 2008. 296 с.
6. Патронова А.Г. Кузнецов Алексей Кириллович // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 217.
7. Закаблуковская Н.Н. Революционер, археолог, краевед: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://museums75.ru.91-224-23-225.listkom.ru/kuz.htm>. Дата обращения: 03.09.2017.
8. Стемпковский И.А. Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов. М.: Этерна, 2010. С. 202–210.
9. Петровская сельскохозяйственная академия: [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Петровская_сельскохозяйственная_академия&oldid=84367670/. Дата обращения: 25.08.2017.
10. Харчевников А. Материалы к биографии П.Н. Рязанцева. Чита, 1922. 11 с.
11. Закаблуковская Н.Н., Громова А.Г. Нерчинский краеведческий межрайонный музей // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 473–474.
12. Письма Д.А. Клеменца В.П. Сукачеву / публ. А. Фатьянова // Сибирь. Иркутск, 1986. № 4. С. 101–114.
13. Кузнецов А. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. Владивосток: Книжное дело, 1925. 64 с.
14. Михалкин И. Алексей Кириллович Кузнецов как археолог // Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова. Чита, 1929. С.57–65.
15. Письмо А. Кузнецова к Радлову. Октябрь 1893 г. // Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова. Чита, 1929. С. 66–68.
16. Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. Иркутск, 1990. Т. 4. 428 с.
17. Чарушин Николай Аполлонович: автобиография // Деятели СССР и революционного движения России: энциклопедический словарь Гранат. Репринт. изд. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 284–296.
18. Кузнецов А. Отчет по Забайкальскому областному музею Читинского отделения за 1897 год // Отчет Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. 1897. Чита, 1899. С. 21–38.
19. Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Н.Н. Яновский. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. Т. 5. 272 с.

20. *Отчет о деятельности Забайкальского областного отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества* / под ред. Н.Г. Сарычева. Чита, 1895. 21 с.

21. *Кузнецов А.К.* Речь, произнесенная по случаю пятидесятилетия Императорского Русского географического общества // *Записки Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества*. Чита, 1897. Вып.2. С.120–158.

22. *Головачев Д.М.* Десятилетие Читинского отделения (1894-1904 гг.). Чита, 1904. 20 с.

23. *Забайкальский краевой краеведческий музей*: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.museums75.ru/history2.htm>. Дата обращения: 03.09.2017.

24. *Потанин Г.Н.* Воспоминания // *Литературное наследство Сибири*. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. Т. 6. С. 22–333.

Н.М. Дмитриенко, Э.И. Черняк

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И ПОЖЕРТВОВАНИЯ В МУЗЕЙНОМ ДЕЛЕ СИБИРИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.*

Тема благотворительности – добровольной бескорыстной поддержки музейной деятельности коротко затронута в работах сибирских исследователей [1. С. 27–28; 2. С. 7–14; 3. С. 67–71; 4. С. 97–98]. Она явно требует большего внимания, поскольку в продолжение XIX – первых десятилетий XX в. сибирские музеи работали в значительной степени за счет благотворительных взносов и пожертвований со стороны населения. По сохранившимся данным, в период до 1917 г. в губернских, областных и уездных центрах Сибири было открыто и действовало не менее 30 музеев, в их числе 8 музеев содержалось на государственные средства, 11 музеев принадлежало общественным организациям, столько же создано на частные средства.

Если следовать хронологии, то нужно начать с середины XIX в., когда купец, библиофил и коллекционер М.А. Зензинов устроил небольшой частный музей в Нерчинске. (Правда, после

---

* Впервые опубликовано: Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. Томск, 2017. № 28. С. 126–139.